

Не только Хьюга Хината, но и другие девушки втайне стремились приблизиться к Наруто, чтобы убедиться в реальности его новой внешности. Она, как замороженная, подкрадывалась к нему, желая прикоснуться, проверить, не хенге ли это. Но каждый раз, когда она оказывалась почти в шаге от него, Наруто оборачивался, и она снова оказывалась на прежнем месте. Его взгляд был прикован к ней, а губы, словно намагниченные, тянулись к её лицу. Хината краснела, словно спелый помидор, а в голове её роились самые невероятные, порочные мысли. Лишь присутствие других людей удерживало её от воплощения этих желаний. Кибба, словно щенок, чувствовал себя затравленным, а его верный Акамару хныкал, прижавшись к ногам хозяина. Наруто, казалось, излучал некую незримую ауру, подобную альфе в стае. Шино, вслушиваясь в своих жуков, чувствовал неладное. Они говорили о том, что с Узумаки произошло что-то неестественное, но при этом упорно называли его тело "живым", отказываясь от дальнейших комментариев. Странная боязнь жуков садиться на Наруто, словно опасаясь быть съеденными его кожей, только усиливала ощущение тайны. Юхи Куренай испытывала противоречивые чувства. Беспокойство за Наруто, чья новая внешность, возможно, была связана с Кьюби, переплеталось с неожиданным влечением к нему. Она отчаянно пыталась отвлечься, думая о своих тайных отношениях с Асумой, но мысли о Наруто не давали ей покоя. Вид Анко, словно порыв ветра, заставлял Куренай сравнивать её с Хозяйкой Змей, что вызывало у Хозяйки гендзюцу дополнительную тревогу. На арене тем временем завершился предварительный матч. Судья, джоунин, объявил победу Субаку-но Канкуро, после того как Чоджи был усыплен газовым успокоительным. С самого начала боя Чоджи превратился в огромный валун, пытаясь раздавить марионетку, но та, отбросив в сторону свою "одежду", выявила истинное тело Канкуро - марионетку, наполненную нокаутирующим газом. В результате, Чоджи, уничтожив марионетку, заснул, словно младенец, мечтая о еде. — Милый Чоджи, — вздохнул Шикамару, глядя на спящего друга и на Наруто, который, смеясь над этой сценой, заставлял женщин в зале падать в обморок. — Мы начинаем задаваться вопросом, кто управляет Советом, — прошептал Наруто, а Веном, разделяя его мысли, добавил: — У меня такое чувство, что Совет дергает за ниточки за кулисами. Наруто и Веном были рады, что Хокаге не выдал двум Советам информацию о том, что Саске запечатал Печать Проклятия. К тому же, Учихе запретили использовать чакру и Шаринган, чтобы не провоцировать раскрытие Печати. — Пора показать вам, ребята, настоящие стандарты Конохи, которым вам придется следовать после того, как я покончу с этой слабачкой из Суны, да еще и девчонкой, — заявил Саске, считая, что женщины предназначены лишь для размножения и служения мужчинам Учиха. — Эта девчонка из Суны надерет ему задницу, — проворчал Веном. Наруто, соглашаясь, отвернулся от арены и поймал взгляд Хинаты, которая, словно молния, вернулась на своё место. Он снова сделал движение, чтобы поцеловать её, и Хината покраснела до красно-фиолетового оттенка. — Наруто снова поцеловал меня! Теперь мне осталось только пойти с ним на свидание, завести его в какое-нибудь тихое место, а потом... — думала Хината, пытаясь скрыть свой румянец и сдерживать кровь, которая стремилась вырваться из носа. — Готов проиграть мне, слабак? — ухмыльнулся Саске, пытаясь казаться крутым, но втайне желая, чтобы Какаши разрешил ему использовать Шаринган и чакру. — Шиноби Конохи такие высокомерные. Мне не терпится сбить с тебя спесь, — ответила Темари, приготовившись использовать свой веер. Её улыбка была зловещей, словно предвестник боли. — Она сделает ему очень больно, — злорадно усмехнулся Канкуро, знающий, что попадать в неприятности со старшей сестрой — себе дороже. — Это неважно, лишь бы пролилась кровь, — прошептал Гаара, переводя взгляд с поединка на Наруто. Он слышал голос "Матери", призывающей его убить сидящего напротив "лиса". — Начинаем! — провозгласил Хаяте, отпрыгивая назад и готовясь стать свидетелем этого поединка.